

Шею пронзила острая боль — тёплая, медленная, но в то же время непреклонно властная.

Осознав, что острые клыки впились ему в кожу, Дуань Цзяян пришёл в себя. Лу Синьцы укусил довольно глубоко, и если он продолжит, на шее точно останется след.

Подумав о том, что завтра ему ещё предстоит встречаться с людьми, Дуань Цзяян выдохнул.

— Хватит кусаться, — его голос слегка охрип. — Знай меру.

Лу Синьцы не отреагировал.

Эта бесцельная близость отличалась от временной метки. Временную метку Дуань Цзяян ещё мог оправдать стрессовым синдромом, но сейчас ситуация выходила за рамки безопасности.

Лёгкий аромат лайма растворился в воздухе. Дуань Цзяян почувствовал, как кровь приливает к лицу, а тело медленно обмякает.

Пока он колебался, сдаться ли ему на милость победителя или оттолкнуть этого неразумного парня, Лу Синьцы в последний раз клюнул его в шею.

А затем, подняв голову, произнёс с томной ленью:

— У тебя шея покраснела.

И, судя по степени покраснения, завтра цвет станет ещё темнее.

— У меня покраснела, а ты вообще с ума сошёл, — Дуань Цзяян чувствовал остаточную боль в шее. — Сегодня будешь спать сам с собой.

Сказав это, он рухнул на кровать.

Он не собирался всерьёз его прогонять, просто чувствовал, что нельзя его так баловать. Этот парень слишком быстро садился на шею.

Лу Синьцы видел, как тот уткнулся лицом в подушку, всем своим видом отказываясь от общения.

— Я ещё не мылся, — вдруг сказал он.

Услышав это, Дуань Цзяян слегка шевельнул веками и снова высунул голову из-под подушки.

Неудивительно, что ему казалось, что от Лу Синьцы пахнет дымом. Наверное, набрался, пока играл в карты.

Дуань Цзяян попался на крючок:

— Помоешься — ляжешь на мою кровать. Не помоешься — будешь спать на полу.

Сам того не заметив, он попался в ловушку Лу Синьцы. От «не позволю ему спать со мной» он перешёл к «помоешься — можешь спать где угодно».

Лу Синьцы, глядя на его ошарашенный вид, невольно усмехнулся.

— Ты же сам только что говорил, что хочешь ещё раз помыться, — вежливо предложил он. — Вместе?

Услышав это, Дуань Цзяян не выдержал и вскочил с кровати:

— Ну ты наглец! Укусил меня, а теперь ещё и хочешь, чтобы я с тобой мылся? Советую тебе повесить транспарант с надписью «Люблю помечтать».

— Я же просто спросил, — с невинным видом ответил Лу Синьцы. — Вдруг ты согласишься, тогда я буду в выигрыше.

Дуань Цзяян не нашёл, что ответить, и снова без сил упал на кровать.

Он указал на ванную, приказывая Лу Синьцы немедленно туда провалиться.

На этот раз Лу Синьцы ушёл без промедления. Он, видимо, и сам понимал, что тот не согласится мыться вместе, и просто поддразнил его.

Из ванной донёсся тихий шум воды. Дуань Цзяян наострил уши.

Странно, но ему захотелось пить.

А может, помыться вместе — не такая уж и плохая идея?

Дуань Цзяян немного поколебался, а затем поднял свою пижаму. Он посмотрел на свой пресс и решил, что можно и покрасоваться.

Хоть и четыре кубика, но выглядит всё равно неплохо.

А у Лу Синьцы?

Сколько у него?

Он не мог вспомнить, хотя на школьном празднике, когда они все вместе переодевались в туалете, он видел Лу Синьцы без рубашки.

У Альф обычно восемь кубиков? У Шэнь Чилиэ — восемь. Их бро Лу не должен уступать этому придурку.

Но чем больше Дуань Цзяян пытался вспомнить, тем туманнее становились воспоминания.

Очень жаль. Почему он не рассмотрел его как следует?

Дуань Цзяян, размышляя об этом, решил, что так дело не пойдёт. Он слез с кровати и, медленно шлёпая тапочками, подошёл к ванной.

Он стоял у двери, слушая шум воды. Неизвестно, было ли это его воображением, но ему казалось, что его собственное сердце бьётся всё громче.

Дуань Цзяян, сжав зубы, толкнул дверь.

Ванная не была заперта.

Белый пар поднимался от пола, всё пространство было влажным и тёплым, в воздухе витал лёгкий аромат геля для душа.

Услышав скрип двери, стоявший внутри человек обернулся.

Тело Альфы было стройным и крепким, с плавными линиями мышц, в которых чувствовалась огромная сила. Он стоял под душем, и струи воды стекали по его широкой груди.

Только сейчас Дуань Цзяян по-настоящему ощутил разницу между их телами. Он невольно сглотнул, чувствуя себя немного ошеломлённым.

Он и представить не мог, что эта картина может так взволновать.

Лу Синьцы, кажется, не ожидал, что Дуань Цзяян войдет, и в его взгляде промелькнуло удивление.

Увидев выражение лица Дуань Цзяяна, он медленно скривил губы в улыбке и произнёс тихим, хриплым голосом:

— Что ты там стоишь? Иди сюда.

Дуань Цзяян, словно загипнотизированный, с пустым взглядом сделал несколько шагов вперёд.

Капли воды брызнули ему на ноги. Увидев лёгкую усмешку на губах Лу Синьцы, Дуань Цзяян тут же очнулся.

Кровь, казалось, хлынула в обратном направлении, и у него даже глаза загорелись. На мгновение он не знал, куда смотреть.

В его мозгу, одурманенном красотой, с опозданием проснулось смущение.

И как раз в тот момент, когда его глаза блуждали по сторонам, он случайно увидел Альфу...

Возможно, потому, что это было реально, это произвело на него гораздо более сильное впечатление, чем то, что он когда-либо видел в музеях или фильмах.

Дуань Цзяян резко отшатнулся и, с трудом сохраняя самообладание, пробормотал:

— Извините, что помешал, брат, вы мойтесь... Простите, правда.

Говоря это, он отвернулся и, казалось, был готов в любой момент выскочить за дверь, идеально иллюстрируя фразу «бежать, поджав хвост».

Не успел он сделать и двух шагов, как его схватили сзади за запястье.

Руки Лу Синьцы были толще его, и, прикоснувшись, они обдали его горячим паром. Лу Синьцы крепко сжал его запястье, сам сделал несколько шагов вперёд и, просунув другую руку ему под грудь, с лёгкостью прижал к себе.

Дуань Цзяян окончательно опешил.

Он обнимал его сзади, от него пахло шампунем и гелем для душа. Ванная была наполнена клубами горячего пара.

Дуань Цзяян не выдержал и, не подумав, крикнул:

— Бро Лу! Моя одежда промокла!

Обнимавший его, кажется, беззвучно рассмеялся. Сквозь тонкую ткань пижамы отчётливо чувствовалась вибрация его грудной клетки.

— На что ты только что смотрел? — видя, как Дуань Цзяян пытается вырваться, он обнял его ещё крепче.

Следующая фраза заставила мозг Дуань Цзяяна взорваться.

— Ты когда вошёл, — Лу Синьцы легонько коснулся его кадыка, намекая, — кажется, сглотнул?

В его голосе слышались нотки насмешки.

— Пить захотелось?

— ...

Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, чёрт!

Дуань Цзяян понял его намёк и был на грани взрыва. Но Лу Синьцы лишь потёр его ухо и отпустил.

— В таком виде ты всё равно не сможешь выйти, — сказал он и, подойдя к ванне, начал набирать воду. — Придётся помыться ещё раз.

Дуань Цзяян смотрел на наполняющуюся ванну, и его нервы медленно напрягались.

Он хотел было отказаться и даже подумывал о том, чтобы сбежать, пока есть время, но в таком виде он действительно не мог выйти.

К тому же, он уже и так сбежал один раз, а теперь, после объятий, ломаться было бы глупо.

Так он думал.

Но когда Лу Синьцы подозвал его, Дуань Цзяян с черепашьей скоростью подполз к ванне.

Он даже задал очень глупый вопрос:

— Мне что, раздеваться?

Лу Синьцы с лукавой улыбкой взглянул на него.

Дуань Цзяян кивнул и начал поднимать подол своей одежды. Ему было не по себе в этой обстановке, и он не удержался:

— Ты не вернёшься под душ? Тебе не холодно так стоять?

— Отопление включено, — ровно ответил Лу Синьцы.

Он смотрел, как Дуань Цзяян расстёгивает воротник пижамы, и его пальцы слегка согнулись.

Дуань Цзяяну стало не по себе от его взгляда, и он решил действовать быстро. Он в несколько движений разделся и, чувствуя на себе почти осязаемый взгляд Лу Синьцы, уже собирался спросить, не собирается ли тот стоять здесь вечность.

Его легонько толкнули в ванну.

Брызги разлетелись во все стороны.

Ванна была неглубокой, и Лу Синьцы придержал его, так что он не сильно ударился, но всё равно это было неожиданно.

Дуань Цзяян уже собирался вылезти, как тот тоже залез в ванну и, наклонившись, поцеловал его.

За те несколько дней, что Дуань Цзяян провёл в гостях у Лу, его стрессовый синдром был под контролем.

Утром девятого дня нового года ему позвонила Фу Юань и спросила, когда он собирается возвращаться в Хайчэн.

Его течка уже несколько дней как закончилась, но Лу Синьцы не хотел его отпускать, да и сам Дуань Цзяян был не против остаться, так что он всё это время не заговаривал с Фу Юань о возвращении.

Теперь, когда она сама спросила, и к тому же, гостить так долго было неудобно, Дуань Цзяян, подумав, попросил её купить ему билет на завтрашний день.

Новогодние праздники закончились, и в доме Лу, который несколько дней назад был полон гостей, стало заметно тише. Возвращаясь в свою комнату, Дуань Цзяян случайно заблудился.

Особняк был слишком большим, и он за несколько дней так и не смог запомнить дорогу. Сегодня он решил пойти другим путём и незаметно для себя оказался в совершенно незнакомом месте.

Это, кажется, была чайная комната. На правой стене висела величественная старинная картина с изображением гор и рек, а солнечный свет, проникая сквозь бамбуковые окна, падал на каменный стол с чайной утварью.

Дуань Цзяян уже собирался уйти, как вдруг заметил каллиграфию, висевшую напротив картины.

Он остановился, и его взгляд замер на ней.

Мощные, уверенные иероглифы, написанные кистью, были полны размаха и лёгкости. Даже такой профан, как Дуань Цзяян, мог оценить их изящество и свободу.

Но больше самой каллиграфии его привлекло содержание.

- Люди праздны, повозки медленны, путь далёк, и звёзды гаснут.

Лу Синцы (□□□) — «Путь далёк, и звёзды гаснут».

— Это происхождение имени Синьцы, — раздался за его спиной голос Цзян Яо. — Его дедушка по материнской линии любил путешествовать. Синьцы родился на несколько дней раньше срока. Как только дедушка закончил эту каллиграфию, он и появился. Мы решили дать ему это имя.

Увидев Цзян Яо, Дуань Цзяян серьёзно сказал:

— У него очень красивое имя.

Цзян Яо, видя его реакцию, смягчилась.

— И у тебя тоже.

Сказав это, она помолчала и спросила:

— Завтра уже уезжаешь, вещи собрал?

Дуань Цзяян кивнул.

— Я думала, ты останешься подольше, хотя бы до Праздника фонарей, — сказала она, а потом заботливо добавила: — Но твоя мама, наверное, тоже по тебе соскучилась. Синьцы сказал, ты уже купил билет? Завтра перед отъездом скажи, водитель отвезёт тебя в аэропорт.

Дуань Цзяян тут же поблагодарил:

— Спасибо вам за всё эти дни.

— Пустяки, не стоит благодарности, — улыбнулась она. — Мы все были очень рады, что ты приехал.

Сказав это, она вдруг с лукавством добавила:

— Несколько дней назад бабушка Синьцы спрашивала меня, не меняли ли в прошлом году брачный закон, а потом спросила, сколько тебе лет и когда можно будет жениться.

Дуань Цзяян на мгновение замер, не ожидая такого поворота.

Он хитро прищурился и с улыбкой ответил:

— Альфам, кажется, можно жениться только после двадцати? Бабушка немного торопится.

Сказав это, Дуань Цзяян добавил:

— И он, может, и не думал об этом.

Цзян Яо посмотрела на него с загадочной улыбкой.

Этот ребёнок сейчас ещё ничего не понимает, но она знала Лу Синьцы. Он бы не привёл кого-то домой, не обдумав всё заранее.

— Даже если он тебе потом и предложит, ты не торопись соглашаться, — в конце концов, мягко сказала Цзян Яо. — Омега должен быть осторожен в выборе Альфы. Тётушка очень рада, что он тебе нравится, но достоин ли он стать твоим спутником жизни, ты должен решить сам.

После ужина Лу Синьцы сразу же позвал Дуань Цзяяна в свою комнату.

Обычно, из уважения к родителям, они после ужина ещё некоторое время проводили с ними, играя в карты или смотря телевизор. Но завтра Дуань Цзяян уезжал, и Лу Синьцы не хотелось больше тратить время на светские беседы.

Закрыв дверь, Дуань Цзяян в последний раз проверил свой багаж, а затем обернулся к Лу Синьцы.

— Твоя мама сегодня в шутку спросила меня о свадьбе, — вдруг сказал он, — но мне показалось, она была вполне серьёзна.

— Она и была серьёзна. Я слышал, как она потом втихаря звонила отцу, — спросил Лу Синьцы.
— А ты что думаешь?

— Я не знаю, — ответил Дуань Цзяян. — Не думал об этом.

— И не думай, — он погладил Дуань Цзяяна по голове. — Просто жди меня.

Он не ожидал, что Дуань Цзяян в кои-то веки решит докопаться до сути.

— А ты знаешь, как делать предложение?

— Не знаю, — честно ответил Лу Синьцы. — Научусь.

— Тогда жди, — с важным видом заявил Дуань Цзяян. — Когда тебе исполнится двадцать, я сделаю тебе предложение.

Лу Синьцы на мгновение замер.

— Мы тогда, наверное, будем в университете? Я не такой придирчивый, как ты, мне нравится, когда всё просто и по-деревенски. Сначала выложу свечами круг под окнами твоего общежития, потом принесу розы, — говоря это, Дуань Цзяян представил себе эту сцену и сам рассмеялся. — Так банально. Парни из соседнего общежития точно будут за меня болеть.

Он так увлёкся, что уже собирался спросить, не стоит ли ему ещё и на гитаре научиться играть, как Лу Синьцы, долго смотревший на него, вдруг усмехнулся:

— Пожениться в университете? Бывает же такое счастье?

Он не ожидал.

После этих слов Дуань Цзяян, словно кто-то нажал на выключатель, вдруг замолчал.

Спустя долгое время...

— Если будет пожизненная метка, — тихо сказал он, — разве не нужно жениться?

Взгляд Лу Синьцы потемнел, и он с удивлением пробормотал:

— Ты в университете позволишь мне... Сколько тебе тогда будет?

Он наклонился ближе, и в его голосе прозвучала редкая для него торопливость:

— Повтори, что ты позволишь мне сделать?

Дуань Цзяян не ожидал такой реакции и опешил.

— Пожизненную метку?

Лу Синьцы, видя его прямоту, на мгновение чуть не спросил, понимает ли он, что это значит.

Но разум тут же остановил этот глупый порыв.

Даже если Дуань Цзяян был не очень сведущ в этих вопросах, он должен был понимать, что это значит. Он просто не ожидал, что тот так легко предоставит ему такое право.

В отличие от того, что о нём думали другие, он с самого начала считал, что Дуань Цзяян прекрасно умеет находить слабые места Альфа, и каждому его движению было невозможно сопротивляться.

По крайней мере, на него это действовало безотказно.

Вместе с нежностью в его душе проснулось и желание обладать.

Лу Синьцы схватил Дуань Цзяяна за тонкое запястье. Его ладонь легла как раз на косточку — он был очень худым, и она отчётливо выделялась.

Дуань Цзяян не успел спросить, что тот задумал, как его резко потянули.

Картинка перед глазами закружилась, и его окутал запах Альфы.

Его повалили на кровать и начали целовать.

Они никогда не целовались так долго. Врождённое притяжение между Альфой и Омегой сводило с ума, и близость была подобна мёду на лезвии ножа.

Сквозь туман он услышал, как Лу Синьцы шепчет ему на ухо.

Он называл его детским прозвищем, но как-то по-особенному.

Расслышав, что он говорит, Дуань Цзяян затаил дыхание, и его лицо вспыхнуло.

Смешавшиеся феромоны, кажется, подействовали не только на него — дыхание Лу Синьцы тоже стало горячим.

Волосы парня щекотали его кожу, вызывая приятное ощущение.

Он сказал:

— Мой А-Йе.

<http://bllate.org/book/14653/1301125>